

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 31**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 31 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-458-04681-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04681-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

24 января 1896 года въ С.-Петербургѣ
скончался почетный членъ Московскаго Пси-
хологическаго Общества и уважаемый со-
трудникъ „Вопросовъ Философіи и Психо-
логіи“ Николай Николаевичъ Страховъ.

Отрывки изъ Упанишадъ.

„Глубокія, самобытныя, высокія мысли выступаютъ съ каждой страницы Упанишадъ на встрѣчу намъ... Это самый богатый и самый высокій предметъ изученія въ мірѣ. Онъ былъ мнѣ утѣшеніемъ въ жизни и будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ смерти“.

Шопенгауэръ.

I.

Въ двѣнадцать великихъ Упанишадъ заключается все, что знали Нарада, первоучитель, и всѣ семь мудрецовъ древности. Этими словами отвѣтитъ всякій ученый индусъ, если вы его спросите, что слѣдуетъ вамъ изучать въ древней санскритской литературѣ. Иначе Упанишадъ зовутся Веданта, т.-е. корона всякой премудрости, самый конецъ Ведъ.

Традиціи Индіи говорятъ, что Вьяса, собравшій Веда въ одно цѣлое, сопоставилъ также Веда и Упанишадъ, слѣлавъ послѣднія какъ бы дополненіемъ гервыхъ. Катху Упанишаду, напримѣръ, онъ примкнулъ къ Яджуръ-Ведѣ, Кену—къ Сама-Ведѣ и т. д. Эта великая работа одного изъ величайшихъ полумифическихъ благодѣтелей, которыми такъ гордятся народы Индіи, была выполнена имъ приблизительно въ дни „Великой Войны“ между принцами династій Куру и Панду, такъ какъ и самъ Вьяса есть одно изъ дѣйствующихъ лицъ Махабхараты. А эпоху этой знаменитой войны

слѣдуетъ полагать, по вычисленіямъ индусовъ, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ лѣтъ тому назадъ.

А сколько вѣковъ или, быть можетъ, тысячелѣтій существовали Веда и Упанишадъ передъ тѣмъ, какъ Вьяса собралъ ихъ въ единую космогоническую и философскую систему? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта, который могъ бы удовлетворить европейскій критеріумъ научной точности. Гаутама-Будда жилъ 2500 лѣтъ тому назадъ, а ему были извѣстны и тѣ и другія, — значитъ, онъ старше 2500 лѣтъ. Это — съ одной стороны. А съ другой — вычисления астрономо-астрологическаго характера, слѣданныя индусскими учеными и утверждающія, что не было бы ничего удивительнаго и невозможнаго въ фактѣ существованія Упанишадъ ни болѣе ни менѣе, какъ 75000 лѣтъ тому назадъ.

Пусть знатоки древности и комментаторы Упанишадъ разбираются въ этихъ несогласіяхъ. Намъ же точная эпоха Ведъ можетъ интересовать только съ одной стороны — со стороны единства человѣческой мысли и нравственныхъ стремленій какъ въ наши дни, такъ и въ самую отдаленную древность, извѣстную европейской наукѣ.

Дѣло санскритологовъ и оріенталистовъ — дать полный и точный переводъ всѣхъ двѣнадцати Упанишадъ на русскій языкъ. А пока его нѣтъ, мы поставимъ своею скромною задачею изучить нѣсколько ихъ переводовъ на другіе европейскіе языки, а также нѣсколькихъ комментаторовъ, и повѣдать русскимъ читателямъ все, что намъ удалось угадать и увидѣть скрытымъ подъ темною символической Упанишадъ.

Будемъ надѣяться, что послѣ этой кропотливой работы основная ясность и безупречная стройность Упанишадъ откроются намъ хотя бы отчасти. Тогда, быть можетъ, и мы повторимъ за Шопенгауэромъ, что онѣ достойны быть утѣшеніемъ думающему человѣку и въ жизни, и въ смерти.

Въ сущности, идеалы Упанишадъ и вмѣстѣ ихъ конечный смыслъ такъ просты, что ихъ можно выразить въ трехъ санскритскихъ словахъ: „татъ твамъ аси“ — это (все) — ты.

Правда и дѣль человѣческой жизни—въ полной отрѣшенности отъ „самообмана отдѣльности“. Лишь только человѣкъ пойметъ, что одно божественное начало дѣйствуетъ въ немъ и черезъ него такъ же, какъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ, лишь только онъ отождествитъ себя съ этимъ божественнымъ началомъ, а черезъ него и со всѣмъ человѣчествомъ,—задача его будетъ кончена и для него настанетъ полная свобода и сознательное блаженство.

Но этотъ простой смыслъ Упанишадъ становится гораздо сложнее, какъ только сложный и запутанный міръ человѣческаго разума начинаетъ вникать въ него. Алмазь одинъ, хотя онъ и соприкасается съ воздухомъ многими искристыми гранями. Много такихъ граней найдется для вдумчиваго и разсуждающаго человѣка въ простыхъ и несложныхъ въ своемъ основаніи Упанишадахъ. Три изъ этихъ граней мы разсмотримъ въ нашемъ очеркѣ:

- 1) Нравственные идеалы,—тема Катха-Упанишады.
- 2) Понятія о происхожденіи міра,—тема Прашна-Упанишады.
- 3) Психологія, тема Маңдукья-Упанишады.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этой трудной задачѣ, мы должны попросить у русскаго читателя не столько извиненія въ недостаткѣ и изъяснахъ нашей работы, сколько помощи и содѣйствія его собственной проникательности и дѣйствительнаго желанія проникнуть въ смыслъ Упанишадъ.

Переводы и компіляціи отвлеченнаго характера вообще дѣло затруднительное, но когда дѣло касается до Упанишадъ, то эта работа посперить въ трудности съ Любою другою. Стараясь вникнуть въ смыслъ этихъ странныхъ, темныхъ выраженій, чувствуешь, что въ отдаленныя времена сѣдой древности, когда ученіе Упанишадъ было преподаваемо чело-вѣчеству на утѣшеніе и руководство для этой жизни и будущей, всѣ эти короткія, точныя до сухости слова были не только словами,—вещественными масками того или другого отвлеченнаго понятія. Они были нѣчто большее. Они

были живыми символами, обладавшими живым даромъ вліять непосредственно, однимъ звукомъ своимъ на духовное бытіе слушателя. Они предназначались вызывать въ слушатель извѣстную нить представлений, извѣстную цѣпь чувствованій, въ которыхъ и заключалось самое лучшее, самое дѣйствительное объясненіе недоступныхъ одному разуму доктринъ. Каждое слово каждой строки, очевидно, имѣетъ свою исторію и попало туда не по случайному выбору проповѣдника, а потому, что по законамъ древняго, забытаго нами метода мышленія, никакого другого—хотя бы и самаго родственнаго—слова нельзя было употребить.

Какъ смычекъ производить разные песочные узоры на металлическомъ кружкѣ, затрогивая ту или другую отвѣтную точку металла, такъ и слово пробуждаетъ цѣлые ряды мыслей и понятій въ умѣ человѣческомъ, затронувъ такую же отвѣтную, хотя и не вещественную точку. Этой теоріей, очевидно, руководились составители Упанишадъ, и именно поэтому перевести ихъ такъ трудно.

Русскій переводъ затруднителенъ тѣмъ болѣе, что, будучи языкомъ молодымъ, все еще продолжающимъ накоплять матеріалъ, и далеко еще не вылившимся въ конечныя формы, русскій языкъ просто-на-просто не имѣетъ необходимыхъ для перевода словъ. Онъ такъ небогатъ выраженіями для отвлеченныхъ понятій, что, даже переводя съ близкаго, сравнительно съ санскритскимъ, нѣмецкаго языка, переводчикъ волей не волей долженъ заниматься словопроизводствомъ и сочинять такія выраженія, какъ „вещь в себѣ“ или же „міровоззрѣніе“, чтобы передать „das Ding an sich“ и „Weltanschauung“. Затрудненія этого рода становятся еще ощутительнѣе, когда дѣло идетъ о переводѣ съ санскритскаго языка, съ полнотой, законченностью, красотой и богатствомъ котораго не можетъ спорить ни одинъ древній или новый европейскій языкъ.

Для примѣра достаточно будетъ упомянуть санскритское слово *atman*. Максъ Мюллеръ и другіе англійскіе переводчики для передачи „атмана“ употребляютъ слово „self“—по русски

одинаково: самъ, само, или сама. Это слово, — такъ сказать, собственной чеканки Упанишадъ, — до нихъ оно никогда не употреблялось въ этомъ новомъ, хотя и не чуждомъ ему смыслѣ. Упанишадъ похъ „атманомъ“ подразумѣваютъ самую квинтъ-эссенцію безличнаго божественнаго начала въ природѣ и человѣкѣ. Но переведи мы „атманъ“ русскимъ словомъ „самъ“ или „сама“, — и соотвѣтственная ассоціація представлений, вызванная въ русскомъ читателѣ, будетъ скорѣе смахивать на героевъ темнаго царства Островскаго, чѣмъ на то, что хотѣли сказать великіе мудрецы, давшіе человечеству Упанишадъ.

Призываемъ на помощь опредѣленія Шанкара-ачаріи, знаменитаго Деканскаго комментатора Упанишадъ, въ его Таттва-Бодха:

— „Такъ что же такое само?“

— „Это то, неизмѣнная природа чего есть бытіе, сознание, блаженство“.

— „Что такое бытіе?“

— „Проходящее черезъ три времени—вотъ бытіе“.

— „Что такое сознание?“

— „Самая природа познаванія“.

— „Что такое блаженство?“

— „Самая природа радости“.

Итакъ, да познаетъ человѣкъ, что неизмѣнная природа его Самаго суть бытіе, сознание, блаженство“.

Принявъ во вниманіе это опредѣленіе, мы считаемъ за самое подходящее къ пѣли перевести санскритскій „атманъ“ русскою „сутью“ или „сущностью“.

Тѣ же затрудненія выступаютъ навстрѣчу намъ съ каждой страницы Упанишадъ, — но разсуждать о нихъ по силамъ только ученымъ оріенталистамъ, а не скромнымъ компиляторамъ чужихъ трудовъ. Во всѣхъ такихъ затрудненіяхъ мы старательно сравнивали извѣстные намъ переводы Упанишадъ и брали среднее.

Попросивъ еще разъ русскаго читателя употреблять какъ можно болѣе свое собственное чутье и полагаться на него

гораздо больше, чѣмъ на точность нашего перевода съ другихъ переводовъ, приступаемъ къ дѣлу.

II.

Нравственные идеалы Упанишадъ.

Отрывки изъ Катха-Упанишадъ.

Благочестивый Валжашраваса приноситъ великолѣпную жертву богамъ, чтобы умиловить ихъ. Сынъ его Начикетасъ, „хотя все еще дитя“, глядя на жертвоприношеніе, вдругъ ощущаетъ сомнѣніе насчетъ этого рода благочестія. Отецъ рѣшается не жалѣть ничего и приноситъ въ жертву даже сына. Юноша проникаетъ въ домъ Смерти. Послѣ трехъ дней и ночей отсутствія, Царь Смерть возвращается домой и, въ награду за долгое ожиданіе, предлагаетъ гостю просить у него исполненія трехъ желаній. Два изъ нихъ исполнены съ готовностью, послѣ чего Начикетасъ говоритъ:

— „Сомнѣніе о человѣкѣ, который выдѣлился изъ самого себя (умеръ); онъ есть, говорятъ нѣкоторые; его больше нѣтъ, говорятъ другіе. Знаніе этого, преподанное тобой, — вотъ мое третье желаніе.

— „Даже сами боги сомнѣвались прежде объ этомъ; трудно познаваемъ и уловимъ этотъ законъ. Выбери, Начикетасъ, другое желаніе. Не принуждай меня, но избавь отъ этого.

— „Даже боги, ты говоришь, сомнѣвались объ этомъ и не легко познать это, о Царь Смерть! И нѣтъ другого наставника равнаго тебѣ. Никакое другое желаніе не сравнится съ этимъ.

— „Выбери сыновей и внуковъ, которые будутъ жить пѣлый вѣкъ, много скота и слоновъ, и золота, и коней. Выбери великую сокровищницу міра и живи столько осеней, сколько пожелаешь. Если пожелаешь, выбери богатство и долгій вѣкъ. Будь могущественъ въ этомъ мірѣ, о Начикетасъ; я дамъ тебѣ исполненіе всѣхъ твоихъ желаній. Все, что трудно достижимо въ мірѣ смертныхъ, проси всего

этого, сколько пожелаешь. Красавицы, съ колесницами и лютиями, — подобными имъ не дано обладать человѣку, — пусть онѣ служатъ тебѣ, онѣ мои дары. Но не спрашивай меня о смерти, Начикетасъ.

— „Завтра эти непостоянныя вещи завянутъ вмѣстѣ со свѣжестью, силъ смертнаго. Даже вся жизнь коротка. И колесницы, и пляски, и пѣсни во власти твоей. Не богатствомъ удовлетворяется человѣкъ. Можемъ ли мы желать богатства, разъ увидавъ тебя? Можемъ ли мы желать жизни, пока ты господинъ? Мое желаніе—то, что я уже выбралъ... То, въ чемъ сомнѣваются, о Царь Смерть, то Великое, которое находится по ту сторону, скажи мнѣ о немъ. Кромѣ желанія, проникающаго тайну, Начикетасъ не согласенъ выбрать никакого другого“.

На этомъ кончается первая часть Катха-Упанишады. Вопросъ поставленъ. Человѣкъ дожилъ до отрицательнаго отношенія къ благамъ житейскимъ. Что ему колесницы, и злато, и красавицы, когда онъ знаетъ, что надо всѣмъ этимъ смерть—господинъ?! Жизнь можетъ ему улыбаться, суля удачу и радости. Но человѣкъ уже не хочетъ этихъ невѣрныхъ, шаткихъ, скоропреходящихъ радостей. Онъ увидѣлъ смерть. А „можемъ ли мы желать богатства, разъ увидавъ тебя“? Человѣкъ ищетъ болѣе твердой опоры. Ему не нужны радости житейскія, — ему нужны нравственные идеалы, переживающіе и жизнь, и смерть. И добивающемуся такъ настоятельно отвѣта Царь Смерть не смѣетъ отказать.

Вторая часть Катха-Упанишады содержитъ отвѣтъ его:

— „Лучше одно, милѣе другое. Они тянутъ человѣка въ разныя стороны. Хорошо тому, кто избралъ то, что лучше. Не достигнетъ тотъ цѣли, кто избралъ то, что милѣе. Но то, что лучше, и то, что милѣе, подходятъ къ человѣку; присмотрѣвшись къ нимъ, мудрый научается различать между ними. Мудрый беретъ то, что лучше, охотнѣе, чѣмъ то, что милѣе. Безумный беретъ то, что милѣе, благодаря своей алчности... Нѣкоторые, находясь въ круговоротѣ не-

вѣдѣнія, но будучи мудры въ глазахъ своихъ и почитая себя свѣдущими, спотыкаются, безумцы, бредя позади, подобно слѣпцамъ, ведомымъ слѣпцами. Для безумнаго нѣтъ проблесковъ того Великаго, что по ту сторону. Вотъ это жизнь, нѣтъ иной жизни, думаетъ онъ — и снова и снова подпадаетъ подъ руку мою. Немногіе могутъ услышать объ этомъ, и даже услышавъ, многіе не поймутъ. Чуденъ преподающій это, благословенъ получающій; чуденъ познавшій, благословенъ пытающійся познать. Низшій человѣкъ не можетъ открыть этого, — оно должно быть познано долгимъ созерцаніемъ. Къ нему нѣтъ иного пути, кромѣ какъ черезъ *другого* (т.-е. черезъ высшаго, духовнаго человѣка) и не подлежитъ оно обсужденію разсудка. Постигненіе этого не можетъ быть достигнуто черезъ пренія, но здравому разуму оно дороже всего, открытое *другимъ* (т.-е. здравый разумъ можетъ быть участникомъ жизни духовной только черезъ наитіе того же высшаго, духовнаго человѣка). Ты достигъ этого, потому что ты устойчивъ въ истинѣ, и вопрошатель, подобный тебѣ, Начикетасъ, дорогъ намъ... То, что ты не можешь счесть ни закономъ, ни беззаконіемъ; то, что ни повелѣно, ни запрещено; то, у чего нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, — объ этомъ ты можешь сказать, что вотъ это оно и есть. Мѣсто успокоенія, обѣщанное всѣми Ведами и избличаемое каждымъ дѣйствіемъ усердія, съ цѣлью найти которое люди отдаютъ себя на служеніе Вѣчному, — объ этомъ мѣстѣ успокоенія я кратко скажу тебѣ. Оно есть неизмѣнный Предвѣчный, оно есть неизмѣнный Всевышній. Разъ познавъ это Неизмѣнное, человѣкъ получаетъ все, чего бы ни пожелалъ. Это — превосходная опора, опора всего; зная эту опору, могучъ человѣкъ въ мірѣ Вѣчнаго. Познаватель (т.-е. высшее божественное начало въ человѣкѣ) никогда не раждается и никогда не умираетъ; никто не можетъ знать, откуда онъ, и ничто никогда не становилось имъ. Нерожденный, вѣчный, незапамятный, онъ не сраженъ, когда сражено тѣло. Если убійца думаетъ сразить его, если убитый думаетъ, что онъ сраженъ, — ни